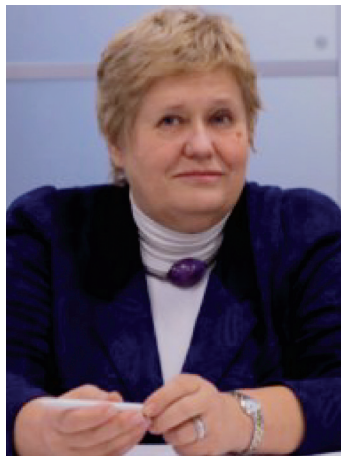

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО: НОВЫЕ ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ И КАТЕГОРИИ (ВСЕРОССИЙСКИЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ»)

© 2023 г. Н. В. Варламова*, Т. А. Васильева**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: varlam_n@list.ru

**E-mail: tan-vas@mail.ru

Поступила в редакцию 04.07.2023 г.

Аннотация. 18 апреля 2023 г. в Институте государства и права РАН состоялся Всероссийский «круглый стол» «Сравнительное конституционное право: новые подходы, концепции и категории». В его работе приняли участие представители ведущих вузов и научных учреждений страны, а также исследователи из Республики Беларусь и Республики Узбекистан. На «круглом столе» был рассмотрен широкий круг проблем, связанных с современными тенденциями в развитии сравнительного конституционного права, новыми концепциями конституционализма, конституционными реформами, синхронным и диахронным сравнением конституционных институтов, сравнительным исследованием прав человека, использованием сравнительной методологии в практике национальных и наднациональных судебных органов.

Ключевые слова: сравнительное конституционное право, конституционализм, конституционные реформы, конституционный контроль, права человека.

Цитирование: Варламова Н. В., Васильева Т. А. Сравнительное конституционное право: новые подходы, концепции и категории (Всероссийский «круглый стол») // Государство и право. 2023. № 11. С. 207–215.

DOI: 10.31857/S102694520028732-6

COMPARATIVE CONSTITUTIONAL LAW: NEW APPROACHES, CONCEPTS AND CATEGORIES (ALL-RUSSIAN THE “ROUND TABLE”)

© 2023 N. V. Varlamova*, T. A. Vasilieva**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Science, Moscow

*E-mail: varlam_n@list.ru

**E-mail: tan-vas@mail.ru

Received 04.07.2023

Abstract. On April 18, 2023 the Institute of State and Law of the RAS hosted the All-Russian the “Round Table” “Comparative Constitutional Law: new approaches, concepts and categories”. It was attended by representatives of leading Russian scientific and educational institutions, as well as researchers from Belarus and Uzbekistan. The “Round Table” examined a wide range of problems related to modern trends in the development of Comparative Constitutional Law, new concepts of constitutionalism, constitutional reforms, synchronous and diachronic comparison of constitutional institutions, comparative research of human rights, the use of comparative methodology in the practice of national and supranational judicial bodies.

Key words: Comparative Constitutional Law, constitutionalism, constitutional reforms, constitutional review, human rights.

For citation: Varlamova, N. V., Vasilieva, T. A. (2023). Comparative Constitutional Law: new approaches, concepts and categories (All-Russian the “Round Table”) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 207–215.

18 апреля 2023 г. в Институте государства и права Российской академии наук состоялся Всероссийский «круглый стол» «Сравнительное конституционное право: новые подходы, концепции и категории». В его работе приняли участие более 40 ученых, представляющих ведущие вузы и научные учреждения страны, а также исследователи из Республики Беларусь и Республики Узбекистан.

Пленарное заседание открыл доклад д-ра юрид. наук, доц. Т.А. Васильевой (ИГП РАН), который был посвящен новым проблемам и подходам в сравнительных конституционно-правовых исследованиях. Она отметила, что 1980–1990 гг. были «золотым веком» сравнительного конституционного права. В этот период во многих странах учреждаются органы конституционного контроля, растет влияние наднациональных судебных инстанций, интенсифицируется миграция конституционных идей, развивается транснациональная кооперация органов публичной власти. Сегодня можно проследить несколько направлений в развитии сравнительного конституционного права: исследование интеграционных процессов и универсальных стандартов функционирования конституционно-правовых институтов, их влияния на национальное конституционное право; анализ «живого судебного права» — практики национальных органов конституционного контроля и наднациональных судебных органов, освоение методик рассмотрения судами дел в области защиты прав человека; использование политологических конструкций и понятий (конституционный дизайн и инжиниринг, партисипативная и делиберативная демократия) в сфере конституционно-правовых исследований; изучение влияния инновационных технологий на функционирование конституционно-правовых институтов. В первое десятилетие XXI в. в целом ряде государств наблюдаются определенный отход от универсальных демократических

принципов, абсолютизация национальной конституционной идентичности, обращение к исторической памяти, рост популизма.

В доктрине международного права высказываются различные точки зрения относительно его соотношения с национальным законодательством, отметил д-р юрид. наук, проф. В.А. Карташкин (ИГП РАН). Данный спор имеет не только теоретическое значение, он затрагивает такие важные вопросы, как суверенитет государств и реализация основных прав и свобод человека. За последние годы активизировалась дискуссия относительно соотношения международного права и конституции, пределов ее верховенства. Россия, заключая международные договоры и принимая на себя международные обязательства, никогда не отказывалась от государственного суверенитета и территориального верховенства, не передавала международным организациям часть своих полномочий. Но это не означает, что она может отказываться от исполнения международных соглашений. В Конституции РФ установлено, что она имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации, законы и иные правовые акты не должны ей противоречить (ч. 1 ст. 15). Некоторые российские юристы-международники толкуют эту статью как устанавливающую приоритет Конституции над международными договорами, которые не могут противоречить ей. Однако если исходить из верховенства национальных конституций и законодательства над Уставом ООН, основными принципами и нормами международного права, обязательствами, взятыми государствами по международным договорам, то это будет означать гибель международного права, анархию в межгосударственных отношениях.

Закреплению на конституционном уровне принципа разделения властей был посвящен доклад д-ра **юрид. наук, проф. А.И. Ковлера (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. В большинстве учредительных актов европейских государств (Австрия, Германия, Финляндия и др.) этот принцип непосредственно не упоминается, хотя в текстах используются термины «законодательная», «исполнительная» и «судебная власть». В Конституции Греции разграничиваются три функции власти (ст. 26), в Конституции Ирландии подчеркивается, что все власти в системе правления — законодательная, исполнительная и судебная — в соответствии с Божьим велением исходят от народа (ст. 6). В Декларации прав человека и гражданина 1789 г., инкорпорируемой в Конституцию Франции (гл. XVII), провозглашается, что «общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет конституции» (ст. 16).

Более осязаемое воздействие идеи Ш. Монтескье можно проследить в учредительных актах стран американского континента. Так, Конституция Мексики содержит гл. I «О разделении властей» (разд. 3). Конституция Коста-Рики предусматривает три разделенные и независимые друг от друга власти — законодательную, исполнительную и судебную (ст. 9). В африканских государствах в силу культурного и языкового многообразия не установилось единое толкование принципа разделения властей в конституционной доктрине, там преобладает прагматический подход к разграничению компетенции между государственными органами. На азиатском континенте еще сложнее, чем на африканском, выделить единые подходы к реализации принципа разделения властей. Так, например, Конституция Индии предусматривает только отделение судебной власти от исполнительной (ст. 50).

Таким образом, современная конституционная доктрина предпочитает прагматический подход к закреплению структуры и компетенции институтов публичной власти, не слишком заботясь о соблюдении формулы Ш. Монтескье. В ряде стран в учредительных актах выделяют избирательную власть (Венесуэла, Никарагуа, Эквадор), контрольную власть (Эквадор, Тайвань), а в Венесуэле — гражданскую власть, осуществляемую Республиканским советом по этике, состоящим из Народного защитника, Генерального прокурора и Генерального контролера Республики (ст. 273 Конституции). Сравнительное конституционное право должно учитывать реалии современного мира и не замыкаться в рамках прежних доктрин. Соответствующие коррективы необходимо вносить и в учебники.

Анализ новых концепций и интерпретаций конституционализма был представлен в докладе **канд. юрид. наук, доц. Н.В. Варламовой (ИГП РАН)**. В настоящее время конституционализм сталкивается с целым рядом серьезных вызовов, которые существенным образом сказываются на функционировании традиционных конституционных институтов. Формирование наднационального уровня публичной власти и развитие саморегулирования коммерческих организаций на национальном и транснациональном уровнях ведут к деиерархизации правовых систем. Национальные правовые порядки оказываются включенными в целую сеть транснациональных порядков, и их конституционализация более не может основываться исключительно на национальной конституции и ее высшей юридической силе. Эти трансформации нашли выражение в концепциях плюралистического, сетевого, многоуровневого конституционализма.

Приобретение частной (корпоративной) властью публичных функций породило проблему ее демократизации

(посредством вовлечения в процессы саморегулирования профсоюзов, потребительских и экологических объединений, экспертных сообществ) и ограничения. Данные процессы отражает концепция социетального конституционализма, акцентирующая конституционную функцию частного права, которое ограничивает саморегулирование частных акторов. Отсюда — актуализация проблем конституционализации частного права и действия конституционных прав в отношениях между частными лицами.

Стремительное развитие инновационных технологий обуславливает необходимость распространения принципов конституционализма на новые сферы отношений и формирования на их основе новых принципов, приспособленных для регулирования данных сфер. Конституционализация новых сфер во многом происходит через формирование специфического каталога новых прав человека — цифровых, соматических, репродуктивных, нейроправ, прав в сфере геномных исследований и т.п., которые, по сути, представляют собой распространение на соответствующие отношения традиционных конституционных гарантий с необходимыми модификациями.

Таким образом, на современные вызовы конституционализм реагирует вполне традиционно, устанавливая ограничения новых возникающих видов власти и обеспечивая гарантии прав человека в новых сферах социального взаимодействия. Квинтэссенция конституционализма, выраженная в ст. 16 Французской декларации прав человека и гражданина, сохраняет свою актуальность и присутствует во всех его новейших концепциях и интерпретациях.

В центре внимания д-ра **юрид. наук, проф. И.А. Кравца (Новосибирский национальный исследовательский государственный университет)** был вопрос о том, как нормы и принципы конституции участвуют в регулировании процессов мобилизации в ходе конституционной модернизации, обсуждения и принятия поправок к конституции, выявления желательности конституционных изменений и принятия новой конституции. Обычно учредители — органы государства и публичные должностные лица, уполномоченные принимать решения в сфере конституционной модернизации, — рассматривают конституцию как текст и корпус правил, которые следует изменить; конституция в этом случае выступает объектом преобразований. Конституционная мобилизация включает как юридические, так и политические формы коммуникации в публичной сфере, которая подвергается серьезным изменениям в связи с конституционными преобразованиями. В современном мире используются различные формы конституционных изменений, основанные на определенной публично-правовой мобилизации: проведение конституционных (императивных) референдумов по поправкам к конституции или по вопросу принятия новой конституции; использование технологии краудсорсинга для разработки проекта конституции с привлечением широкого круга граждан, не обладающих профессиональными юридическими знаниями; создание гражданской ассамблеи для обсуждения поправок к конституции. Современный конституционализм оснащается новыми технологиями (информационными и цифровыми), которые обеспечивают гибридизацию процесса конституционных изменений с вовлечением в него широких слоев граждан.

Вопрос использования сравнительных методов в практике Европейского Суда по правам человека в связи с признанием прав рассмотрел д-р **юрид. наук, проф. Д.И. Дедов (МГУ им. М.В. Ломоносова)**. Он отметил значение сравнения различных правовых институтов и подходов для

накопления знаний и развития национальной правовой культуры. В эпоху глобального противостояния либеральных и консервативных ценностей не надо отказываться от методологии европейского права и европейских стандартов, если они являются политически нейтральными и лишены признаков утопизма. В целом практика и стандарты Европейского Суда по правам человека предоставляют большие возможности для сравнительного конституционного правоповедения. Однако необходимо критически относиться к правовым позициям и обращать внимание на поиск баланса публичных и частных интересов. Следует также находить оптимальное соотношение универсальности прав человека и национальных традиций.

С развитием цифровых технологий претерпевают изменения многие конституционные права, в первую очередь право на уважение частной жизни и право на защиту персональных данных, отметила **д-р юрид. наук Э.В. Талапина (ИГП РАН)**. Не остается неизменным и само право на информацию. Для многих государств непрозрачность алгоритмов, используемых публичной администрацией, стала политическим вопросом и обусловила ряд законодательных изменений. В докладе данная проблема была рассмотрена на примере Франции. Право на доступ к публичной информации обычно называют правом на доступ к административным документам. Французская правовая система придерживается широкого подхода к их определению. Более того, Франция решила изменить концепцию административных документов, признав, что они включают и исходные коды, хотя широкое определение административного документа априори позволяет относить к ним такие коды. 7 октября 2016 г. была расширена трактовка понятия коммуницируемого (сообщаемого) административного документа в Законе «О цифровой Республике»¹. Исходные коды теперь упоминаются и в Кодексе отношений между гражданами и администрацией², который определяет передаваемые и многократно используемые административные документы. Открытие исходных кодов государственных администраций делает часть ИТ-систем государственного сектора доступной для чтения. Их публикация способствует повышению прозрачности административных решений, если они связаны с алгоритмами.

В России алгоритмы весьма активно используются в государственном управлении. При этом вопросы о доступности кодов, лежащих в основе их функционирования, практически не возникают. В этой связи французский опыт может оказаться полезным.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. Т.С. Масловской (Белорусский государственный университет)** была проанализирована конституционная реформа в Люксембурге. Конституция Великого Герцогства 1868 г. — одна из немногочисленных действующих «старых» европейских конституций. Первоначально предполагалось разработать новый учредительный акт, отвечающий современным требованиям демократии, исключая устаревшую терминологию, закрепляющий реальную практику функционирования государственных органов. В 2005 г. парламентская Комиссия по

институтам и конституционному пересмотру начала работу над текстом проекта. Однако в 2018 г. было принято решение осуществить пересмотр действующей Конституции в целях сохранения преемственности учредительных актов.

В январе 2023 г. было принято четыре закона о пересмотре отдельных глав Конституции, которые вступают в силу с 1 июля 2023 г. Данные законы представляют собой четыре блока поправок, касающихся судебной системы, характеристик люксембургской государственности, прав и свобод человека, парламента и Государственного совета. Среди конституционных новелл — закрепление положения об участии в европейской интеграции, конституционализация статуса омбудсмана и Национального совета правосудия. Особое внимание докладчик уделила участию граждан в конституционной реформе посредством направления предложений на специальный интернет-сайт, участия в консультативном референдуме 2015 г., публичных слушаниях и тематических дебатах по конституционным поправкам.

Парламентскому совету по делам обороны Норвегии был посвящен доклад **канд. юрид. наук, доц. И.А. Ракитской (МГИМО МИД России)**. Она отметила, что в государственном механизме отдельных стран существует должность уполномоченного по правам военнослужащих, который является своеобразным связующим звеном между армией и обществом и институциональной гарантией соблюдения прав и законных интересов военнослужащих, а также лиц, подлежащих призыву на военную службу. В Норвегии функцию военного омбудсмана с 1952 г. выполняет Совет по делам обороны. Существование данного специализированного института обеспечивает высокий уровень контроля за соблюдением прав и интересов военнослужащих, а также способствует компетентному рассмотрению вопросов, затрагивающих военный персонал. Примечательно, что в Норвегии этот институт появился за десять лет до учреждения должности парламентского омбудсмана по делам администрации, т.н. гражданского омбудсмана.

Закон о Совете по делам обороны от 16 июня 2021 г.³ наделяет данный орган правом осуществлять контроль за законностью деятельности военной администрации, расширяет его полномочия, в том числе по развитию международного сотрудничества, более четко разграничивает сферы компетенции военного и гражданского омбудсманов. Изучение норвежского опыта представляет интерес для российского законодателя в свете внесения в Государственную Думу ФС РФ в октябре 2022 г. законопроекта «Об уполномоченных по защите прав военнообязанных и военнослужащих в Российской Федерации».

«Круглый стол» продолжил работу в рамках двух секций. На *первой секции «Конституционные концепции и институты: синхронное и диахронное сравнение»* обсуждались тенденции развития конституционных институтов в различных странах и регионах.

Доклад **канд. юрид. наук, доц. А.И. Черкасова (ИГП РАН)** был посвящен концепции многоуровневого правления. Данный термин характеризует такую форму территориальной организации публичной власти, при которой усиливается взаимовлияние различных уровней власти и растет их взаимозависимость. В наибольшей степени данная концепция ассоциируется с той структурной трансформацией системы публичной власти, которая определяется процессом

¹ См.: Loi n° 2016–1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique. Légifrance. Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000033202746> (дата обращения: 12.05.2023).

² См.: Code des relations entre le public et l'administration, 23 octobre 2015. Légifrance. Le service public de la diffusion du droit. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000031366350?etatTexte=VI-GUEUR (дата обращения: 12.05.2023).

³ См.: Lov om Stortingets ombudsmenn for Forsvaret // Lovdata. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2021-06-18-115> (дата обращения: 12.05.2023).

европейской интеграции. В рамках многоуровневого правления отсутствует четкая иерархическая структура с каким-либо одним доминирующим компонентом, но при этом принимаются определенные обязывающие решения. Концепция многоуровневого правления находит все более широкое применение, с ее помощью стали изучаться федерализм, децентрализация, регионализация, а также деятельность транснациональных сетей. Данная концепция носит «зонтичный» характер, в ее рамках могут развиваться различные подходы (например, государственно-центристский, делающий упор на роль национальных властей в европейской интеграции, и неофункционалистский, предполагающий акцент на наднациональном регулировании).

Концепция многоуровневого правления подвергается критике за определенную аморфность и расплывчатость. Она так и не дает окончательный ответ на вопрос: что же в первую очередь представляет собой многоуровневое правление — структуру либо процесс? Вместе с тем именно эта концепция позволила осмыслить осуществление публичной власти в объединенной Европе, предложив интерпретацию процесса принятия решений в Европейском Союзе, на что оказались неспособны традиционные теоретические конструкции.

Я.И. Лебедева (ИГП РАН) обратилась к истории утверждения специфических характеристик права Европейского Союза — его прямого действия и верховенства в правовых порядках государств-членов. Традиционно признавалась ведущая роль Суда ЕС в этом процессе. Однако архивные материалы⁴ и исследования европейских авторов⁵ демонстрируют, что идеологическим центром разработки данных доктрин являлась Юридическая служба Комиссии Европейских сообществ. Идеи конституционного прочтения учредительных договоров и признания особой природы права интеграционного объединения разделяли не все правительства государств-основателей, а также политики и правоведы, принимавшие участие в интеграционном строительстве. Изначально судьи, генеральные адвокаты, а также государства-основатели, в частности Германия, Италия, Нидерланды, Бельгия и Люксембург, по различным причинам не восприняли подходы Комиссии Европейских сообществ и выступали против признания указанных принципов действия права ЕС и наделения Суда ЕС соответствующей компетенцией. Компромиссом, который сгладил существовавшие противоречия, стала позиция Суда ЕС, согласно которой только отдельным положениям коммунитарного права при определенных условиях могло придаваться прямое действие, а после этого и верховенство в национальном праве государств-членов. Однако в 2013 г. в деле *Melloni* Суд ЕС признал верховенство за рамочным решением (вид правовых актов Союза), которое не обладает прямым действием⁶.

⁴ См.: Foundation Jean Monnet Pour L'Europe. AMFG Fonds Michel Gaudet. URL: <https://archives.jean-monnet.ch/doc/inventaires/pdf/Michel-Gaudet.pdf> (дата обращения: 12.05.2023).

⁵ См.: *Rasmussen M. Establishing a Constitutional Practice of European Law: The History of the Legal Service of the European Executive, 1952–65* // Contemporary European History. 2012. Vol. 21. No. 3. P. 375–397; *Idem. Agents of Constitutionalism: The Quest for a Constitutional Breakthrough in European Law, 1945–1964* // Crafting the International Order. Practitioners and Practices of International Law since c. 1800 / ed. by M.M. Payk, K.C. Priemel. Oxford, 2021. P. 249–276; *Arnulf A. The Many Ages of the Court of Justice of the European Union* // New Legal Approaches to Studying the Court of Justice: Revisiting Law in Context / ed. by C. Kilpatrick, J. Scott. Oxford, 2020. P. 12–44.

⁶ См.: CJEU (Grand Chamber). Case C-399/11. Stefano Melloni v Ministero Fiscal. Judgment of 26 February 2013. Paras. 58–62 (подробнее см.: *Besselink L.F.M. The Parameters of Constitutional Conflict after Melloni*. European Law Review. 2014. Vol. 39. No. 4. P. 531–552).

Такой подход меняет соотношение наднациональных и международных начал в праве ЕС.

В докладе **канд. юрид. наук С.А. Грачевой (ИЗиСП при Правительстве РФ)** рассматривались конституционные основания критериев качества законов. Положения Конституции РФ позволяют вывести из ее текста два вида таких критериев. Формальные критерии связаны с закрепленной в Конституции нормативной иерархией: любой нормативный правовой акт должен быть принят уполномоченным на то органом в рамках его компетенции и не противоречить положениям источников права более высокого уровня. Содержательные критерии обеспечивают поддержание доверия граждан к закону (нормативному правовому регулированию). Данные критерии едины для всех источников права и выражают их общее ценностно-целевое назначение. Они были разработаны в практике Европейского Суда по правам человека и восприняты Конституционным Судом РФ. Среди них — возможность знать о содержании закона (требование его обнародования), определенность, конкретность и относительная стабильность его предписаний, что позволяет их адресатам в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и исключает произвол при их толковании и применении. Критерии качества нормативных предписаний второго вида в определенной мере могут быть атрибутированы и тексту самой Конституции как необходимые условия доверия граждан к правовой системе в целом.

Деятельность органов конституционного правосудия, как указал **канд. юрид. наук К.В. Карпенко (МГИМО МИД России)**, всегда направлена на стабилизацию правовой системы. Это достигается в том числе за счет устранения неопределенности в законодательстве. В результате действия органов государственной власти, физических и юридических лиц становятся понятными и предсказуемыми. Отсюда логично предположить, что и практика органов конституционного правосудия должна быть определенной, прогнозируемой и в конечном счете отвечать законным ожиданиям гражданского общества.

Конституционный совет Франции представляет собой любопытный пример неоднозначного подхода к обоснованию изменений в своей практике. За более чем 60-летнюю историю правовые позиции Совета менялись не раз. Можно попытаться обобщить основания изменений практики Конституционного совета. Во-первых, Конституционный совет всегда внимательно отслеживает и учитывает в своей деятельности социально-политические и экономические изменения, происходящие в обществе. Его правовые позиции, следовательно, согласуются с законными ожиданиями граждан. Во-вторых, Совет находится в тесном контакте с иными «контрольно-надзорными» органами Республики — Кассационным судом и Государственным советом. Нередко изменения в его правовых позициях объясняются влиянием этих органов. Наконец, Совет прислушивается к мнению наднациональных судов, таких как Суд ЕС и Европейский Суд по правам человека. Отслеживая их практику, юристы способны понять и даже предвосхитить решения Конституционного совета Франции.

В большинстве государств органы конституционного контроля обращаются к сравнительному методу и зарубежной судебной практике в процессе толкования положений национальных конституций и аргументации своих решений, отметила **канд. юрид. наук Е.А. Сорокина (ИГП РАН)**. Однако судьи Конституционного суда ЮАР используют зарубежную судебную практику чаще, чем их коллеги в других странах. Это связано с тем, что такая возможность

прямо предусмотрена в Конституции ЮАР 1996 г. (ст. 39). Как показывает анализ практики, Суд не рассматривает обращение к зарубежному опыту в качестве своей обязанности, но международные стандарты и зарубежная практика являются образцом для решения сложных конституционных вопросов и делают его аргументацию более убедительной. Вместе с тем использование сравнительного метода не всегда способствует учету особенностей южноафриканской правовой системы и правовых традиций страны.

Деятельности органов судейского сообщества в зарубежных странах был посвящен доклад **канд. юрид. наук Е.А. Фокина (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. Современные тенденции развития органов судейского сообщества в зарубежных странах, по его мнению, задаются правовыми позициями, формулируемыми международными организациями и органами международного правосудия. В докладе были обоснованы четыре такие тенденции: 1) конкретизация статуса члена органа судейского сообщества, формирование стандартов их независимости и беспристрастности; 2) уточнение правовой природы процедур, используемых органами судейского сообщества; 3) определение форм взаимодействия с органами исполнительной власти, прежде всего министерством юстиции; 4) уточнение пределов полномочий органов судейского сообщества. Деятельность последних крайне важна, поскольку от нее зависят фактическая независимость судебной власти и практическая реализация концепции правового государства.

Конституционные основы регламентации правового положения юридических лиц публичного права были предметом внимания **канд. юрид. наук А.В. Ульянова (ИНИОН РАН)**. В современном мире государство и муниципальные образования не только являются властными регуляторами общественно-экономических отношений, но и опосредованно участвуют в данных отношениях через деятельность субъектов, именуемых юридическими лицами публичного права. Речь идет об организациях — корпоративных или унитарных, коммерческих или некоммерческих, — которые подконтрольны публично-правовым образованиям или сотрудничают с ними в целях осуществления их публичных функций и полномочий. основополагающие нормы о юридических лицах публичного права или по крайней мере отдельных видах этих лиц (государственных корпорациях, предприятиях, учреждениях, центральных банках, национальных университетах и пр.) часто закрепляются в конституции, которая таким образом обеспечивает гарантии их статуса и деятельности.

В докладе **канд. юрид. наук С.Б. Нанбы (ИЗиСП при Правительстве РФ)** рассматривались правовые позиции Европейского Суда по правам человека, касающиеся природы муниципалитетов. Европейский Суд признает их государственными органами в связи с тем, что они действуют на основании публичного права и осуществляют публичные функции, переданные им на основании Конституции и законов⁷. В соответствии с практикой Суда финансовая несостоятельность муниципалитетов не является основанием для освобождения их от исполнения обязательств, вытекающих из вынесенных против них окончательных решений судов⁸.

Применению историко-правового подхода при изучении конституционной терминологии посвятила свое

выступление **канд. юрид. наук, доц. Т.А. Алексеева (НИУ ВШЭ)**. Понятийный аппарат конституционного права представляется вполне сложившимся и устоявшимся, он является предметом дискуссий главным образом при рассмотрении вопросов юридической техники. Вместе с тем исследователи явно недооценивают историко-правовой подход, позволяющий выявить исторический контекст появления понятий и их лингвистического оформления, влияние социально-политических факторов на формирование юридических терминов, на их содержание и динамику.

Историко-правовой подход — важный инструмент сравнительного анализа терминов, используемых в юридической доктрине и конституционном законодательстве различных государств. Обращение к историко-правовому подходу будет полезно в научных исследованиях таких терминов, как «республика», «диктатор», «федерация», «суверенитет», «империя». Их современное содержание существенно отличается от первоначального, что полезно иметь в виду в целях более глубокого и многоаспектного изучения соответствующих правовых и политических институтов. Так, термин «*res publica*» в Древнем Риме (согласно дефиниции Цицерона) обозначал общность людей, объединенных общими интересами и пониманием права. Данное представление о республике было характерно для лексикона императора Юстиниана (что отражено, например, в конституции *Deo auctore*), мыслителей (в частности, Ф. Суареса в XVI–XVII вв.) и законодателей (в том числе Учредительных кортесов, принявших Конституцию Испанской республики в 1931 г.) последующих столетий.

К роли сравнительной методологии в становлении науки публичного права обратился **канд. юрид. наук В.Е. Кондров (СПбГУ)**. Начало юридической науки принято вести от деятельности глоссаторов в XI в. Их метод был текстоцентричным и антиисторичным. Положения *Corpus Juris Civilis* толковались ими как универсальные стандарты, применимые к любым обстоятельствам, народам и эпохам. Упадок метода глоссаторов связывают со становлением школы комментаторов (постглоссаторов), однако окончательный разрыв со старой методологией произошел все же позднее — в XVI в., когда Г. Бюде призвал реконструировать оригинальное значение понятий и положений римского права⁹. В области публичного права аналогичный «историцистский» поворот совершил монарх Ф. Отман, который утверждал, в частности, что римское право не может быть применимо к совершенно отличному от римского французскому порядку¹⁰. Так, в область публичного права проникла историческая методология, предполагавшая, что принципы публичного права должны обосновываться исследованиями реальных политических практик прошлого, местных «древних конституций» и традиционных свобод.

Следующий шаг в формировании методологии публичного права сделал Ж. Боден, дополнивший установку на историческое исследование сравнительным методом. В соответствии с предлагаемым им подходом для получения знания о принципах публичного права необходимо исследовать основные формы правления и конституции народов в их историческом сравнении. Вместе с тем степень

⁷ См.: ECtHR. Galina Petrovna Gerasimova v. Russia. Application no. 24669/02. Decision of 16 September 2004.

⁸ См.: ECtHR. De Luca v. Italy. Application no. 43870/04. Judgment of September 2013. Para. 54.

⁹ См. подр., напр.: *Franklin J.H. Jean Bodin and the Sixteenth-Century Revolution in the Methodology of Law and History*. New York, London, 1963. P. 19, 20.

¹⁰ См.: *Hotman F. Antitribonian* / ed., transl. by H.A. Lloyd. Leiden, Boston, 2021. P. 74 etc.; см. также: *Franklin J.H. Op. cit.* P. 21; *Kelley D.R. Civil Science in the Renaissance: Jurisprudence in the French Manner // History of European Ideas*. 1981. Vol. 2. Iss. 4. P. 271.

свободы Ж. Бодена от старых понятий римского права и его авторитетов не стоит преувеличивать. Так, в труде «О демономании колдунов» он прямо опирается на постгlossаторов Бартоло да Сассоферрато, Бальдо и др.¹¹ Кроме того, ряд используемых им понятий были взяты из частного римского права. Например, Ж. Боден юридически квалифицировал публичную власть как *potestatem publicam*, что, по существу, представляет собой перенос *potestas privata* частного права в сферу права публичного. Соответственно, даже в трудах Ж. Бодена публичное право, получив известную и чрезвычайно важную методологическую автономию, еще не приобрело окончательной концептуальной и догматической самостоятельности.

Вторая секция «Права человека в сравнительном ракурсе» была посвящена сравнительному анализу проблем обеспечения прав человека в различных юрисдикциях. В докладе **канд. юрид. наук, доц. Н.В. Колотовой (ИГП РАН)** обосновывалась необходимость формирования концепции уязвимости и общего понятия «уязвимые группы» в контексте защиты прав человека. Большинство конституций провозглашают гарантии дополнительной социальной защиты отдельных групп населения (дети, пожилые люди, инвалиды и т.д.). Эти категории лиц могут считаться уязвимыми, поскольку дискриминационные практики в отношении них приводят к более существенному ущербу, чем применительно к другим группам в тех же обстоятельствах. Юридическое понятие «уязвимость» складывается из практики отношения к уязвимым категориям отдельных групп населения в связи с распространенностью дискриминации, основанной на гендерных или возрастных различиях, этнической принадлежности, состоянии здоровья, социальном положении, а также лиц, находящихся в особых обстоятельствах (заключенные, пациенты закрытых больниц, медицинские и социальные работники в условиях пандемии COVID-19 и т.п.). Существенный вклад в формирование данного понятия вносит судебная практика, способствовавшая появлению понятия мультиуязвимости, предполагающего наличие сразу нескольких оснований уязвимости.

Необходимость особой защиты уязвимых групп обусловила становление специализированных институтов по обеспечению их прав. Так, в Норвегии в 1981 г. был учрежден первый уполномоченный по правам детей¹² (с тех пор этот институт укоренился в значительном количестве государств мира¹³), в 1999 г. — уполномоченный по делам пациентов¹⁴ а в 2020 г. — уполномоченный по правам пожилых людей¹⁵

(данный институт пока является нетипичным¹⁶). Анализ зарубежного опыта способствует формированию общих критериев отнесения к уязвимым группам и общих подходов к оказанию им помощи, а также развитию национального регулирования данной сферы отношений.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. Т.О. Кузнецовой (МГИМО МИД России)** обсуждалась проблема признания соматических прав человека, которые принято относить к четвертому поколению прав и свобод, принципиально отличающемуся от других категорий прав человека. Под соматическими правами понимают признаваемые обществом и государством правомочия по распоряжению человека своим телом. Эти права рассматриваются как современная модификация личных прав и свобод. Формы правового закрепления и названия данных прав могут быть различны. Как правило, устанавливаются определенные правовые ограничения на их реализацию. Большинство исследователей сходятся во мнении, что эта комплексная группа прав и свобод в первую очередь связана с естественным правом человека на жизнь, а также притязанием на определенное качество жизни. В группу соматических прав и свобод принято включать: право на жизнь в современном осмыслении (включая отказ от смертной казни как вида юридической ответственности, а также право на смерть); права человека в отношении его органов и тканей; сексуальные права человека; репродуктивные права человека как позитивного характера (право на искусственное оплодотворение), так и негативного (право на прерывание беременности, стерилизацию, использование контрацепции); право на изменение пола; право на клонирование как всего организма, так и отдельных органов; право на употребление наркотиков и психотропных веществ и т.п. Специальное внимание в докладе было уделено признанию соматических прав в Японии.

Перспективы конституционализации права на репродуктивное самоопределение проанализировала **канд. юрид. наук, доц. В.И. Чехарина (ИГП РАН)**. Большинство государств прямо не закрепляют репродуктивные права в своих конституционных актах. В некоторых странах провозглашается свобода принятия решения в отношении рождения детей (ст. 55 Конституции Словении, п. «а» ч. 2 ст. 12 Конституции ЮАР). Однако чаще если в конституции упоминаются права, связанные с прерыванием беременности, то это делается в негативном ключе, т.е. обычно речь идет о запрете аборт. Например, в соответствии с ч. 4 ст. 26 Конституции Кении аборт не допускается, за исключением случаев, когда, по мнению квалифицированного медицинского работника, существует необходимость в неотложной медицинской помощи, или если жизнь или здоровье матери находятся в опасности, или если это разрешено писанным законом. Между тем репродуктивное самоопределение неразрывно связано с принципом равенства, поскольку предполагает автономию женщины, позволяющую ей определять стратегию своей жизни и, таким образом, пользоваться равным статусом с мужчинами¹⁷. Поэтому конституционные ограничения права на прерывание беременности выявляют серьезные конституционные проблемы. В целом

¹¹ См.: Боден Ж. О демономании колдунов / пер. с ср.-фр. и лат. И. Сахарчука. СПб., 2021. С. 303, 336, 338, 350.

¹² См.: Lov om barneombud [barneombudsloven] — LOV-1981-03-06-5 // LOVDATA. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1981-03-06-5> (дата обращения: 07.05.2023); Официальный сайт уполномоченного по правам ребенка // <https://www.barneombudet.no/> (дата обращения: 07.05.2023).

¹³ Институты, уполномоченные защищать права детей, объединены в региональные и субрегиональные ассоциации. Одна из крупных ассоциаций действует в странах Европы (см.: European Network of Ombudspersons for Children. URL: <https://enoc.eu> (дата обращения: 07.05.2023)).

¹⁴ См.: The Act of 2 July 1999 No. 63 relating to Patients' Rights (the Patients' Rights Act) (Chapter 8) <https://app.uio.no/ub/ujur/oversatte-lover/data/lov-19990702-063-eng.pdf> (дата обращения: 07.05.2023).

¹⁵ См.: Lov om Eldreombudet (eldreombudsloven) — LOV-2020-06-19-80 // LOVDATA. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2020-06-19-80> (дата обращения: 07.05.2023); Официальный сайт уполномоченного по правам пожилых людей в Норвегии // <https://www.eldreombudet.no/> (дата обращения: 07.05.2023).

¹⁶ Аналогичный институт создан в 2021 г. в Финляндии (см.: Laki vanhusasiavaltuutetusta. 13.08.2021/753 // FINLEX. URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2021/20210753> (дата обращения: 07.05.2023); Официальный сайт уполномоченного по делам пожилых людей в Финляндии: <https://vanhusasia.fi/vanhusasiavaltuutetun-tehtavat> (дата обращения: 07.05.2023)).

¹⁷ См.: Siegel N. S., Siegel R. B. Equality Arguments for Abortion Rights // UCLA Law Review Discourse. 2013. Vol. 60. P. 160–170.

следует признать, что конституционализация репродуктивных прав — довольно отдаленная перспектива.

Л.О. Гордейченко (МГИМО МИД России) остановилась на проблемах обеспечения права на прерывание беременности в странах Латинской Америки. Предоставление доступа к таким услугам — часть обязательств государства по ликвидации дискриминации в отношении женщин и гарантированию их права на охрану здоровья, а также других основных прав человека. Американская конвенция о правах человека¹⁸, признавая право на жизнь, закрепляет, что это право охраняется законом с момента зачатия (ст. 4). Однако это не предполагает полного запрета на прерывание беременности. Некоторые конституции содержат исключения, разрешающие аборт при определенных обстоятельствах. Например, ст. 16 Конституции штата Сан-Луис-де-Потоси в Мексике допускает прерывание беременности, если она явилась результатом изнасилования или если роды могут привести к смерти женщины.

Ситуация с абортами в Латинской Америке неоднозначна. В одних странах (Уругвай, Чили) стремятся к либерализации аборт, в других (Сальвадор, Гватемала, Никарагуа) усиливают ограничения. По Декрету № 18-2022¹⁹ гватемальские женщины за прерывание беременности могут быть приговорены к лишению свободы на срок до 10 лет (ранее — до трех лет). В марте 2022 г. в Гватемале Конгресс обсуждал вопрос об увеличении сроков лишения свободы, назначаемых в качестве наказания за производство аборта, предлагалось ввести еще более суровые наказания для врачей и других лиц, которые помогают женщинам прерывать нежелательную беременность. Аборты признаются допустимыми, только когда жизнь матери находится в опасности.

В целом в Латинской Америке криминализация или декриминализация аборт — это не только юридический вопрос, в большей степени данные процессы связаны с общей культурой населения, влиянием и авторитетом католической церкви.

С.А. Карпов (ИГП РАН) рассмотрел вопросы защиты персональных данных в странах Латинской Америки. Система защиты данных в государствах региона основывается на праве на информационное самоопределение, заимствованном из европейской доктрины, и институте *habeas data*, являющемся традиционным и специфичным для данных стран и закрепленном в конституциях, например Бразилии (ч. LXXII ст. 5), Парагвая (ст. 135), Перу (п. 3 ч. 1 ст. 200). *Habeas data* отражает процессуальную сторону защиты персональных данных, а право на информационное самоопределение — характер отношения человека к его персональным данным, заключающийся в возможности контроля данных, но отличающийся от права собственности. При этом понимание права на информационное самоопределение в странах Латинской Америки отличается большим единообразием по сравнению с европейскими подходами. В Европе до сих пор ведутся споры о существовании такого права за пределами немецкого правопорядка, а также о его содержании, а в Латинской Америке это право в большинстве государств признается фундаментальным, и набор

входящих в него правомочий описывается примерно одинаково и учеными, и судами.

Д.Е. Тонков (Адвокатская фирма «ТонковЪ и Партнеры») остановился на специфике восприятия конституционализма и прав человека в Швеции. По мнению докладчика, Швеция, а также и другие скандинавские страны, несмотря на свое экономическое благополучие, социально ориентированную внутреннюю политику, традиционно миролюбивую внешнюю политику и репутацию «моральных сверхдержав», в целом весьма скептически относятся ко многим принципам и институтам конституционализма, в том числе к правам человека. В скандинавском сравнительном конституционном правоведении это принято называть «нордической исключительностью» (*“Nordic exceptionalism”*) и «нордическим парадоксом прав человека» (*“Nordic human rights paradox”*). Докладчик привел исторические и современные примеры их проявления и показал, что во многом они обусловлены влиянием философских идей скандинавского правового реализма.

Конституционным основам социального государства был посвящен доклад канд. юрид. наук, доц. **Е.Д. Костылевой (РГУП)**. Реальный уровень социальности государства раскрывается через такие признаки, как направленность политики на защиту социальных прав и законных интересов человека, обеспечение занятости населения, реализация социальных программ для поддержки уязвимых групп, развитие социального партнерства. Социальное государство может реализовывать свои цели только при наличии высокоэффективной социально ориентированной экономики и ответственного отношения к труду всего активного населения.

В докладе канд. юрид. наук **М.С. Пермиловского (Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова)** были затронуты вопросы ограничения конституционных прав, что является средством защиты частных и публичных интересов и одновременно может создавать препятствия для реализации того или иного интереса. При этом важно, чтобы соблюдался баланс между разными интересами; нарушение баланса между частными и публичными интересами приводит к умалению прав человека, а не к их ограничению. Особое внимание было уделено ограничениям прав человека в целях защиты конституционных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Boden J.* О демонии колдунов / пер. с ср.-фр. и лат. И. Сахарчука. СПб., 2021.
2. *Arnall A.* The Many Ages of the Court of Justice of the European Union // *New Legal Approaches to Studying the Court of Justice: Revisiting Law in Context* / ed. by C. Kilpatrick, J. Scott. Oxford, 2020. P. 12–44.
3. *Besselink L.F.M.* The Parameters of Constitutional Conflict after Melloni // *European Law Review*. 2014. Vol. 39. No. 4. P. 531–552.
4. *Franklin J.H.* Jean Bodin and the Sixteenth-Century Revolution in the Methodology of Law and History. New York, London, 1963.
5. *Hotman F.* *Antitribonian* / ed., transl. by H.A. Lloyd. Leiden, Boston, 2021.
6. *Kelley D.R.* Civil Science in the Renaissance: Jurisprudence in the French Manner // *History of European Ideas*. 1981. Vol. 2. Iss. 4. P. 261–276.
7. *Rasmussen M.* Agents of Constitutionalism: The Quest for a Constitutional Breakthrough in European Law, 1945–1964 // *Crafting the International Order. Practitioners and Practices of International*

¹⁸ См.: American Convention on Human Rights (“Pact of San Jose”). Adopted at the Inter-American Specialized Conference on Human Rights, San José, Costa Rica, 22 November 1969 // United Nations. URL: treaties.un.org/doc/publication/untfs/volume%201144/volume-1144-i-17955-english.pdf (дата обращения: 07.05.2023).

¹⁹ См.: Decreto Número 18–2022 // Plaza Pública. URL: https://www.plazapublica.com.gt/sites/default/files/decreto_18-2022_aprobado.pdf (дата обращения: 16.05.2023).

- Law since c. 1800 / ed. by M.M. Payk, K.C. Priemel. Oxford, 2021. P. 249–276.
8. *Rasmussen M.* Establishing a Constitutional Practice of European Law: The History of the Legal Service of the European Executive, 1952–65 // Contemporary European History. 2012. Vol. 21. No. 3. P. 375–397.
 9. *Siegel N.S., Siegel R.B.* Equality Arguments for Abortion Rights // UCLA Law Review Discourse. 2013. Vol. 60. P. 160–170.
 4. *Franklin J.H.* Jean Bodin and the Sixteenth-Century Revolution in the Methodology of Law and History. New York, London, 1963.
 5. *Hotman F.* Antitribonian / ed., transl. by H.A. Lloyd. Leiden, Boston, 2021.
 6. *Kelley D.R.* Civil Science in the Renaissance: Jurisprudence in the French Manner // History of European Ideas. 1981. Vol. 2. Iss. 4. P. 261–276.
 7. *Rasmussen M.* Agents of Constitutionalism: The Quest for a Constitutional Breakthrough in European Law, 1945–1964 // Crafting the International Order. Practitioners and Practices of International Law since c. 1800 / ed. by M.M. Payk, K.C. Priemel. Oxford, 2021. P. 249–276.
 8. *Rasmussen M.* Establishing a Constitutional Practice of European Law: The History of the Legal Service of the European Executive, 1952–65 // Contemporary European History. 2012. Vol. 21. No. 3. P. 375–397.
 9. *Siegel N.S., Siegel R.B.* Equality Arguments for Abortion Rights // UCLA Law Review Discourse. 2013. Vol. 60. P. 160–170.

REFERENCES

1. *Bodin J.* (2021) On Demonomania of Sorcerers. SPb., 2021 (in Russ.).
2. *Arnall A.* The Many Ages of the Court of Justice of the European Union // New Legal Approaches to Studying the Court of Justice: Revisiting Law in Context / ed. by C. Kilpatrick, J. Scott. Oxford, 2020. P. 12–44.
3. *Besselink L.F.M.* The Parameters of Constitutional Conflict after Melloni // European Law Review. 2014. Vol. 39. No. 4. P. 531–552.

Сведения об авторах

ВАРЛАМОВА Наталия Владимировна —
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора
прав человека
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Андреевна —
доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник сектора
прав человека
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VARLAMOVA Natalia V. —
PhD in Law, Associate Professor,
Leading Researcher of the Sector
of Human Rights,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

VASILIEVA Tatiana A. —
Doctor of Law, Associate Professor,
Chief Researcher of the Sector
of Human Rights,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia